

Ибраева Д.С.,
**Особенности композиции и
сюжетосложения повести
И.П. Шухова «Колокол»**

В статье анализируются особенности сюжета и композиции повести И.П. Шухова «Колокол». Тема детского счастья, радости бытия раскрывается во многих эпизодах повести. Повествование о детстве – счастливой поре в жизни человека – необходимо писателю, чтобы показать пути и способы воспитания личности в начале XX века.

И.П. Шуховым показано соотношение таких типов сюжета, как внешний и внутренний, многолинейный и однолинейный, выявлена роль элементов канонического, в который вкладывается большой жизненный смысл, устойчивые конфликтные положения которого невозможно преодолеть в рамках изображаемого действия.

Ключевые слова: сюжет, сюжетосложение, композиция, детство, колокол, строение сюжета, повествование.

Ybraeva D.S.
**Features composition of plot and
story I.P. Shukhov's «Bell»**

The article analyzes the characteristics of the plot and the story of the composition of I.P. Shukhov's «Bell». The topic of children's happiness, the joy of being raskryvetsya in many episodes of the story. The story about childhood – happy pore in human life – must be the writer to show ways and means of education of the person in the early twentieth century.

I.P. Shukhov shows the relationship of the plot types, such as external and internal, multi-line and single-line, revealed the role of the canonical elements, which vklyadyvetsya great life meaning, sustained conflict situation which can not be overcome within the framework of the action depicted.

Key words: story, plot in the composition, childhood, bell, building plot, narrative.

Ибраева Д.С.
**И.П. Шуховтың «Колокол»
повесіндегі сюжет желісі мен
композициялық ерекшеліктері**

Мақалада И.П. Шуховтың «Колокол» повесіндегі сюжет желісі мен композициялық ерекшеліктері талданады. Балалық шақ, бал кезеңнің небір тәтті сезімдері шығарманың өн бойынан көрініс табады. Балалық кезеңді суреттеуде жазушы шеберлігін, XX ғасыр басындағы тұлға тәрбиесінің ерекшеліктері мен жолдарынан хабардар етеді.

И.П. Шухов шығармасында ішкі, сыртқы, көпқырлы және бірқырлы сияқты сюжеттің әр түрін аңғаруға болады, үлкен өмірлік маңызы бар канондық элементтер негізін, шындық әлемін суреттеудегі негізгі шиеленіскен мәселелерді де анықтауға болады.

Ключевые слова: сюжет, сюжет желісі, композиция, балалық шақ, қоңырау, сюжет құрылымы, баяндау.

**ОСОБЕННОСТИ
КОМПОЗИЦИИ И
СЮЖЕТОСЛОЖЕНИЯ
ПОВЕСТИ
И.П. ШУХОВА
«КОЛОКОЛ»**

В автобиографическом цикле «Пресновские страницы», вышедшем в свет в 70-ых годах, И.П. Шухов стремится проследить «ход своего развития» в среде, отличающейся образом жизни, быта, особом состоянии духа, то есть в центре внимания писателя, вспоминая о прошлом, – история формирования личности в сложном взаимодействии с окружающей действительностью. Деревенский, станичный мир показан глазами мальчика: это – маленький уютный рай, где все его любят. Поэтому исходной темой «Пресновских страниц» является тема детства как состояния гармонии. Л.Н. Толстой писал: «Во всех веках и у всех людей ребенок представляется образом невинности, безгрешности, добра, правды и красоты. Человек рождается совершенным, есть великое слово, сказанное Руссо, и слово это, как камень, останется твердым и истинным» [1, 322]. Мироощущение детской души поэтично, и мир, в котором он живет, показан в чистом, радостном свете, полон тепла и очарования, а события, происходящие в нем и при участии героя, важны, значимы, несмотря на их будничность, мимолетность и ограниченность пределами одной казачьей семьи.

В центре повествования первой повести «Колокол» – воспоминания о событиях раннего детства. Соответствие традициям избранного жанра подтверждает эпиграф из стихов любимого Шуховым казахстанского поэта П. Васильева:

Наши деды с вилами дружили.
Наши бабки черный плат носили,
Ладили с овчинами отцы.
Что мы помним? Разговор сорочий,
Легкие при новолунье ночи.
Тяжкие лампы. Бубенцы! [2, 6].

Цель автора – вернуться в детство – в особую эпоху жизни человека. Конкретное, историческое время, определенное в пространственном отношении место действия также свидетельствуют о причастности повествования к автобиографическому жанру. «Пресновские страницы», по существу, не имеют единого связного сюжета, а в первой из повести особенно четко выдвигается на первый план фрагментарность. Ибо сюжет в автобиографическом произведении находится в прямой зави-

симости от движения мысли; определяющей ход воспоминаний героя о наиболее значительном в жизни. И хотя автора и действующего героя разделяют более 60 лет, он реалистичен, этнографичен и обстоятелен в передаче происходивших в детстве событий.

Шухов – мемуарист описывает ощущения, почти осязаемо передает звуки, запахи, цвет августовского дня 1910 года – точки отсчета в его памяти: «А мне – четыре года. И я ничего не знаю о том, где я был и как я жил до этого знойного пыльного дня» [2, 6]. День этот полон «забубенного гул перекаточного, пропитанного пыльной горечью горячего ветра». Мотив пожара как потрясения становится сюжетобразующим в данном эпизоде. Пожар дан глазами 4-летнего ребенка, поэтому он мифологичен, фантастичен, полон действия и одушевлен. Картина поистине апокалипсическая: в полдень небо «над головой черное, как вороново крыло, будто залитое кипящей смолой» [2, 7]. Ветер яростно ревет, раскален и опаливает лицо, «что-то сухо трещало, гудело, звенело и грохотало», «все ходило вокруг ходуном – и земля, и небо» [2, 8].

Пожар представляется Ване «в черной клочущей бездне неба раскиданной ветром стаей огнeperых птиц» [2, 8]. Впечатление об этом настолько сильно, что герой помнит об этом через 60 лет, и фраза: «...как мне мнится теперь» – становится рефреном в его воспоминаниях об этом потрясении. Пожар рисуется им как одушевленная, мыслящая, разумная сила, взявшая верх над людьми.

Другим не менее значимым образом в движении сюжета является колокол. Мотив его причастности к судьбам казаков проходит через все повествование первой повести и выступает сюжетобразующей единицей. Первоначально он издает «грозный трубный звук», внушающий «безотчетный ужас», возвещает о беде. Колокол одушевлен, его звуки – почти человеческие: «то утробный стон, то надсадные вопли незримой грозной трубы» [2, 6-7], звуки становились «все пронзительнее, все угрожающе, все горше» [2, 7]. Такая динамика образа полностью отражает состояние людей, поэтому здесь можно говорить об использовании Шуховым приема психологического параллелизма. Колокол сравнивается с попавшим в беду человеком: «выл, ...захлебываясь от сбивчивого торопливого крика и стоны», и сопровождал невиданное, поистине фантастическое действие, совершаемое кем-то свыше, помимо воли людей: «Кто-то с дьявольской яростью и неземной сатанинской силой метал с высоты на

станицу пылавшие стрелы, копыя и факелы» [2, 8]. Пожар воспринимается ребенком не просто как стихийное бедствие, оно послано свыше, но не богом, а дьявольской силой, и единственным спасителем выступает колокол, который как утверждает мама героя, «он всю жизнь... грешных будит». Такая интерпретация функций колокола проходит лейтмотивом через все три повести.

Шухов в строении сюжета «Пресновских страниц» как автобиографической трилогии традиционен: он идет вслед за памятью, восстанавливая то время, когда он «рос – как трава в чистом поле, покорная вольному ветру» [2, 13]. Писательница Галина Черноголовина утверждает, что сюжет и заглавия автобиографических повестей Шухова берут начало, «прорастают» в его стихах. И, действительно, в поэме «Моя жизнь», созданной в конце 60-х – начале 70-ых годов и посвященной не только судьбе одного человека, но и всей страны, мы встречаем поэтические строки, которые стали названиями его прозаических произведений. В третьей главе поэмы Шухов рассказывает о тревожных, мятежных 20-ых годах в Приишимье:

Мы знали годы
Гроз и зноя.
Пожаров.
Ливней.
И смерчей,
Разгул кулацкого террора
Средь настороженных ночей. <...>
<...>
Мы – как трава – росли.
Мужали.
И все нам было нипочем. <...> [3, 261-262].

Мотив свободы, воли, необходимой для развития простого крестьянского мальчика, является основным в трилогии. Истоки всех будущих открытий, успехов Шухова – человека и писателя, лежат в его детстве, и об этом он и говорит в своей автобиографической поэме. Там же можно обнаруживать интерпретацию образа колокола:

Земля стонала от набата
Выл *Главный колокол*
В ночи.
Свершалось! –
Скоро час расплаты. <...>
<...>
Что это –
Страшный Суд
Иль рок?
Был грозен звук
Того запева,

Что заводил незримый рог.
 То был возмездья громкий голос –
 Утробный.
 Вещий.
 Вечевой [3, 262].

В первой повести колокол выполняет именно эти упомянутые в поэме функции.

Возвращение поэта «в знакомую... местность» – тема, традиционная в русской литературе. Шухов по-своему переосмысливает посещение родных мест: оно переносит его не только туда, где прошли его детство и юность, но и в прошлое страны. Ретроспективный взгляд на историю необходим ему, чтобы осмыслить произошедшее на целинных на целинных землях Казахстана. Во всех воспоминаниях герой – свободная, вольная личность со своим уже сформировавшимся характером. Его поведение, представления о жизни определяются особенностями окружающей среды, влиянием близких ему людей. Поэтому Шухов описывает не только «какие-то мимолетные случаи и события той поры», которые «навсегда запечатлелись в полумладенческой, сбивчивой памяти...» [2, 13]. Он вспоминает интереснейших, с его точки зрения, оставшихся след в его душе людей. Они составили образную систему повестей: бабушка Платониха, соседка Шуховых, хлопотливая, непоседливая любительница чайных выварок; ее муж Платон, который в глазах маленького мальчика – олицетворение настоящего казака; отцовские тамыры – казахи, другие пресновчане – станичники. Особенностью характеристик этих героев является то, что они показаны такими, какими их видит Шухов – малолетний ребенок, охарактеризованы по отношению к нему и его семье. В этих описаниях нет психологической глубины, многогранности, но тем не менее они – полнокровные, жизненные образы.

Шухов добивается достоверности при помощи одной-двух выразительных деталей, подчеркивающих ту или иную доминантную черту в характере героя. Например, рассказывая о событиях буранной ночи, когда заблудились его братья, Шухов вспоминает о казахской семье, живущей в станице, и дает краткие, но выразительные характеристики дочерям-близнецам Рысты и Шигарая – Дильде и Гильде: «Все нравится. И такие веселые, складные их имена – Дильда-Гильда. И пунцовые их камзолы, унизанные серебряными монетами. И отороченные огненным лисьим мехом, и набекрень надетые бархатные шапочки их перьями филина на ма-

кушке. И даже пугливость и робость этих нездешних степных девчонок, хотя они на целых четыре года старше меня» [2, 19]. Как видим, несмотря на субъективность стиля повествования и отношения автора к персонажам, характеристика дана исчерпывающая. Она содержит емкую информацию: во-первых, мы узнаем о приятельских, дружеских взаимоотношениях казаков и казахов (маленький Ваня дружит с девочками); во-вторых, мы узнаем о быте, образе жизни, поведении, привычках молодых казашек, в-третьих, нам представлены сведения из истории казахского народного костюма...

Особенностью сюжетосложения «Пресновских страниц» и изображения героев является то, что на первом плане, в центре внимания находится умный, чувствительный, восприимчивый, открытый миру герой – Ваня Шухов, и переживаемое им воспринимается как самое значительное событие не только в его жизни, но и всех окружающих. Принцип отбора этих событий произволен, зависит от его воспоминаний, определяется его личными интересами.

И поэтому пожар – всенародное бедствие, и поведение героя – его первый и активно-сознательный поступок – предел безоблачно-пассивного мировосприятия героя. Далее он постоянно будет соотносить свои личные переживания с общечеловеческими, ибо у него пока нет ощущения значительности собственной жизни, он органично вписывает себя в окружающий мир как свидетель, сопереживатель и рядовой участник событий. Маленький Ваня Шухов во всех ситуациях поступает совершенно естественно, а суровая действительность 10-ых годов XX века ему видится полной красоты и добра: «Все мне казалось значительным, трижды благословенным, прекрасным в это яркое, умиротворяюще тихое декабрьское утро. И все сейчас бередило мне душу, трогало, радовало» [2, 34]. Этот мотив радостного восприятия всего, что входит в его жизнь, является доминантной в характеристике героя.

В эпизоде о том, как заблудились в буранную ночь 1912 года несколько пресновчан, занимавшихся частным извозом, он вспоминает о волнениях, тревогах отца, матери, беспокоившихся о старших сыновьях – Иване и Дмитрие. Вспоминание об этом позволяет Шухову подробно описать одно из традиционных русских занятий – ямщицкий промысел, являвшийся серьезным подспорьем в крестьянской семье. С другой стороны, именно этот извоз служил верным средством для установления связей (торго-

вых, дружеских, межнациональных) с Россией, Ташкентом и Кульджой. Писатель этнографически точен в восстановлении частностей и подробностей той эпохи и в 60-70-ые годы он помнит «...обозы, груженные пшеничным зерном и богатыми со знаменитым сливочным маслом Сибири, топленным салом и бараньими тушами, кожевненным сырьем и невыделанными овчинами, замороженными кишками и прочим добром со стрельниковских и боярских боен... <...>. Возили они купеческий груз в Ирбит, в Куртамыш, в Кресты – на гремевшие по тем временам на всю Россию зауральские ярмарки <...>. Метель в этом сюжете выступает не только как стихийное бедствие, но и как грозная сила, противостоящая простым людям. Поэтому средства борьбы с ней обычные, традиционные для этой среды.

Как мы утверждали выше, особенностью построения сюжета «Колокола» является его фрагментарность, что объясняется требованиями автобиографического жанра. Шухову, вспоминающему события 1912 года, важна не столько их последовательность. Он пытается понять, что именно в том далеком прошлом оказало на него наибольшее влияние, сделало из него именно такую личность.

Во всех трех повестях «Пресновских стран» внешняя линия жизни определяется своеобразием соприкосновения героя с действительностью. В «Колоколе» лейтмотивом всего повествования является сюжет о колоколе. Герой переносится в воспоминаниях из одного далекого времени (декабрь 1912 года) в другое, более приближенное к настоящему, и вспоминает о своем посещении колокольни местной церкви.

Восхождение его к Главному Колоколу символично, сродни очищению безгрешной души и построено на интерпретации мотива тьмы (лестницы) и «нестерпимо-голубого света наверху колокольни». Структура повествования – «воспоминания в воспоминаниях» позволяет отодвинуть границы художественного времени: действие в сказе происходит в начале девятнадцатого века, более ста лет назад. Появление легенды в сюжете неслучайно. История взаимоотношений степи и казачьих станиц полна драматизма, и Шухов передает бытовавшее в его среде мнение об известном противостоянии веры, культуры, обычаев, образа жизни. Мотив любви людей разных национальностей получает здесь интересную интерпретацию. У А.Пушкина, В.Одоевского, А.Бестужева-Марлинского, М.Лермонтова, Л.Толстого в центре внимания была история любви молодого русского к черкешенке, цыганке, терской казачке. И.Шухов вспоминает другую романтическую историю любви атаманской дочери Марии к киргизскому принцу, наполняет ее местными этнографическими деталями, осложняет сюжет мотивом неизлечимой болезни девушки (популярным в восточном эпосе), но вместо лекаря-мага, шамана целительное воздействие оказывает природа: «... горячи озерны грязи в аккурат и окажут пользу многострадальной барышне!<...>.

<...> С виду-то это озеринко – так себе. Сам знаешь. Незавидно. Малоприметно. А вот – умозрительно. С загадками. Не озеро – тайное тайных!...» [2, 41]. Эта деталь – введенный в легенду конкретный географический объект – позволяет углубить тему гордости за свою родную землю.

Литература

- 1 Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. – Т. 8. – С. 322.
- 2 Шухов И.П. Колокол // И.П. Шухов. Собр. соч. в 5 томах. – Т. 3. – Алма-Ата: Жазушы, 1982. – С. 6-47.
- 3 Шухов И.П. Моя поэма // И.П. Шухов. Собр. соч. в 5 томах. – Т. 3. – С. 259-282.

References

- 1 Tolstoj L.N. Polnoe sobranie sochinenij. – T. 8. – S. 322.
- 2 Shuhov I.P. Kolokol // I.P. Shuhov. Sobr. soch. v 5 tomah. – T. 3. – Alma-Ata: Zhazushy, 1982. – S. 6-47.
- 3 Shuhov I.P. Moja poema // I.P. Shuhov. Sobr. soch. v 5 tomah. – T. 3. – S. 259-282.